

НАУКА ШЕРЛОКА ХОЛМСА

методы знаменитого сыщика
в расследовании преступлений
прошлого и настоящего

· дедукция · отпечатки · маскировка ·
· холодное чтение · метки · яды ·

Удовольствие от науки

Стюарт Росс

**Наука Шерлока Холмса:
методы знаменитого сыщика
в расследовании преступлений
прошлого и настоящего**

«ЭКСМО»

2020

УДК 343.9
ББК 67.5:001

Росс С.

Наука Шерлока Холмса: методы знаменитого сыщика в расследовании преступлений прошлого и настоящего / С. Росс — «Эксмо», 2020 — (Удовольствие от науки)

ISBN 978-5-04-116437-9

Увлекательная книга Стюарта Росса посвящена достижениям в раскрытии преступлений с конца Викторианской эпохи до наших дней с помощью науки. Вы узнаете, как Шерлок Холмс использовал научные открытия для борьбы с преступностью и коррупцией. В книге множество забавных и познавательных иллюстраций, схем, описаний. Стюарт Росс – известный писатель, фантаст, историк, лауреат многочисленных премий. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 343.9
ББК 67.5:001

ISBN 978-5-04-116437-9

© Росс С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
Изменившийся мир	8
Планета Земля	9
Геология и вера	10
Эволюция	11
Естественные науки	12
Медицина	14
Лондон	16
Средства связи	17
Путешествия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Стюарт Росс
Наука Шерлока Холмса: методы
знаменитого сыщика в расследовании
преступлений прошлого и настоящего

Science of Sherlock Holmes

by Stewart Ross

Copyright © Michael O'Mara Books Limited 2020

© Казаков Д.Л., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

Шерлок Холмс – величайший герой века науки, как называют иногда XIX столетие. Но при этом он демонстрирует замечательную долговечность – в книгах, кино и на ТВ самый известный в мире детектив продолжает жить и в нынешнем XXI веке, привлекая новых поклонников и подражателей (последнее, несомненно, – знак величайшего одобрения) во всех уголках земного шара. Его притягательная сила ничуть не слабеет. Но почему?

Дело не в том, что он идеальный джентльмен с безупречными манерами, и даже не в том, что он обладает эксцентричным обаянием и быстро соображает, как и положено детективу, не в его социальной неуклюжести и не в стремлении к тому, чтобы правосудие восторжествовало над преступниками и пороками. Подобные качества, хотя и привлекательные, в общем-то, не демонстрируют нам ничего нового.

Новым – если не сказать уникальным – является превосходный интеллект Холмса, его великолепные навыки криминалиста и энциклопедические знания. Короче говоря, он был первым человеком, который приложил технологии и сведения века науки к распутыванию преступлений и правонарушений.

За многие годы появилось бесчисленное количество книг, статей, блогов и постов, посвященных разным аспектам холмсианской науки и технологии. Среди них есть первоклассные исследования, но до той поры, пока они существуют отдельно друг от друга, неизбежны повторения и пересечения. Ниже представлена попытка связать весь этот корпус знаний в единое целое, синтезировать единую научную Холмсиану и поместить ее в исторический контекст. Расширенный заголовок книги может выглядеть следующим образом: «Наука Шерлока Холмса в контексте его времени и последующее развитие его навыков и техник».

Мы начнем с краткого обзора научных и технологических достижений, благодаря которым вырос тот мир, в котором Холмс жил и процветал. Это действительно была эпоха, построенная наукой, в которой наука ценилась превыше всего.

Также мы заглянем в ранний период жизни Конан Дойла, писателя, который создал Холмса. В особенности мы привлечем внимание к тому, как автор, получивший медицинское образование, использовал свои профессиональные знания и навыки в процессе создания персонажа, подобного которому ранее не было: *научного* детектива.

Затем последует оценка того, что делает Холмса именно таким детективом: его методы криминальной экспертизы, происходящие из медицинской подготовки Артура Конан Дойла. Холмс замечает то, что мы видим, но не фиксируем: маленькое пятно, отпечаток подошвы, синяк на руке или пропотевшую шляпную ленту. И все происходит настолько интеллектуальным образом, что нас тянет воскликнуть вместе с многострадальным доктором Ватсоном: «Боже мой! Теперь, когда вы указали мне все, это очевидно!» Или, используя бессмертное прилагательное самого детектива – «элементарно»... но только для тех, кто сведущ в криминальных науках.

Детальные наблюдения Холмса выглядят удивительными, ну а то, как он их использует, просто поражает. Как мы увидим, некоторые его цепочки рассуждений не выдерживают близкого рассмотрения, но это не имеет особого значения. Значение имеет только то, что он влечет

за собой нас – читателей или зрителей. Мы становимся его учениками, которых привязывает к мастеру искусство криминологического анализа.

В паре с логическими построениями идет экстраординарная широта знаний, присущая Шерлоку Холмсу. Перед нами человек, который может устыдить компьютер. Все выглядит так, будто он знает о каждом значимом преступлении, что совершались по всему миру на протяжении нескольких веков; он может идентифицировать 140 видов табачного пепла и отпечаток 42 разновидностей велосипедных шин; он в деталях помнит истории из Библии, может дискутировать по поводу сложностей буддизма Шри-Ланки и является экспертом по всем формам почерка. Сколь бы начитанными мы ни были сами по себе, сколько бы квизов мы ни выиграли, мы все замираем в восхищении, обнаружив себя перед лицом столь многогранного энциклопедиста: эксцентрично привлекательный, обладающий мощным воображением честный человек, который одновременно является первоклассным ученым и экспертом-криминалистом.

Вооруженные всей этой информацией, в третьей, самой обширной части книги, мы отправимся в путешествие по шестидесяти делам Холмса, чтобы увидеть, каким сложным образом они вплетены в плоть века науки. По пути мы будем останавливаться, чтобы объяснить отдельные научные моменты, с которыми будем сталкиваться, и затем двинемся дальше, в XX и XXI века, чтобы увидеть, как далеко все продвинулось со времен гения с Бейкер-стрит. В некоторых областях техники знания Холмса остались далеко в прошлом; в других, особенно в области базовой методологии, изменилось очень мало.

В результате мы сможем заглянуть в интригующий разум и методы самого знаменитого детектива мира, посмотреть на науку и технологию эпохи, когда он занимался практикой.

Глава первая Век науки

Изменившийся мир

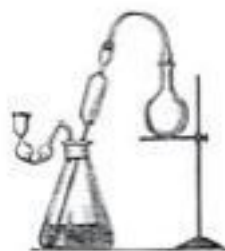
Викторианцы были оптимистами, они верили, что история рассказывает нам о непрерывном подъеме человеческих существ – особенно тех, которым повезло родиться в пределах гигантской Британской империи, – от примитивности пещерной эпохи к упорядоченному, но свободному существованию. И какой же секрет обеспечил столь феноменальный прогресс? Элементарно – наука.

«Только наука сама по себе может окультурить условия существования человеческой расы», – писал философ и антрополог Уильям Уинвуд Рид в книге «Крестный путь человека» (1872). Шерлок Холмс убеждал своего друга доктора Ватсона в том, что книга Рида – «одна из наиболее замечательных, когда-либо сочиненных», и такая оценка едва ли выглядит удивительной, учитывая, что «Крестный путь» подтверждал веру великого детектива в науку и научный метод. Наука меняла все аспекты жизни на планете, и поэтому Холмс верил, что ее приложение к криминологии дает более чем удовлетворительные результаты, и сам подтверждал веру делами.

Что же такого совершила наука XIX века, чтобы заслужить подобное одобрение со стороны великого сыщика?

Планета Земля

Наука XIX века для большей части человечества фундаментальным образом изменила понимание того, что есть Земля, а также понимание нашей позиции на ней. Была подтверждена корректность ренессансной гипотезы о гелиоцентричности Солнечной системы, предсказано существование Нептуна до его непосредственного обнаружения (1846), открыты астероиды и начато составление их каталога. Но более удивительным выглядело научное подтверждение таких фактов: Солнце – это звезда, состоящая из элементов, которые можно обнаружить и на нашей планете, и Вселенная имеет совершенно невообразимые размеры.

Осознание этих фактов произвело разрушительный эффект в области религии: если соседние звезды тоже окружены планетами и по меньшей мере некоторые из них обитаемы, то возможно... Статус уникальности нашего творения оказался как минимум под вопросом, а физическая локализация небес и ада стала в лучшем случае неопределенной.

Когда нам представляют Шерлока Холмса («Этюд в багровых тонах», 1887), доктор Ватсон заявляет, что подобные материи не интересуют эксцентричного детектива. Несомненно, Холмс почти гордится тем фактом, что его знания астрономии «никакие»¹ (см. с. 59). «Ну хорошо, пусть, как вы говорите, мы вращаемся вокруг Солнца, – заявляет он раздраженно. – А если бы я узнал, что мы вращаемся вокруг Луны, много бы это помогло мне или моей работе?»

Но подобная индифферентность не продлилась долго. Уже ко времени написания «Картонной коробки» (1892) Холмс демонстрирует куда более философский образ мышления. «Каков смысл этого круга несчастий, насилия и ужаса? – спрашивает он – Должен же быть какой-то смысл, иначе получается, что нашим миром управляет случай, а это немыслимо»².

И это говорит истинный рационалист XIX века.

¹ Здесь и далее цитаты из «Этюда в багровых тонах» в переводе Н. Трениевой. – Здесь и далее примечания переводчика этой книги.

² Здесь и далее цитаты из «Картонной коробки» в переводе В. Ашкенази.

Геология и вера

К 1850-м годам геологи и физики указали, что библейская история мира, созданного за шесть дней, не соответствует фактам, что Земля эволюционировала миллионы, даже миллиарды лет. Если верить Ватсону, то и этой сферой Холмс не особенно интересовался – его знания в области геологии были «практические, но ограниченные», и сводились в основном к информации относительно встречающейся в регионе почвы.

Противоречие между научными данными и информацией, содержащейся в Ветхом Завете, а также распад традиционного общественного уклада, связанный с быстрой урбанизацией, привели к упадку религиозности. Религиозная перепись 30 марта 1851 года в Англии и Уэльсе, первая в своем роде, показала, что на указанную дату 10 896 066 человек из 17 000 000 возможных посещают какое-либо место религиозного поклонения.

Нация понемногу, но неизбежно двигалась в сторону секуляризации.

Позиция Холмса в этом отношении неясна: он не посещал церковь, а его взгляды на религию, по всей видимости (ничего удивительного), почти совпадали со взглядами Конан Дойла, создателя великого сыщика. Автор верил в возможность существования духовного мира за пределами наших пяти органов чувств, – вероятно, в мире электромагнитных волн, и он был уверен, что однажды научный мир обнаружит связь между духами (или душами) и нашим осязаемым миром. Но это мировоззрение не проявляет себя в историях о Шерлоке Холмсе, хотя в «*Морском договоре*» (1893) Холмс заявляет «Нигде так не нужна дедукция, как в религии... Логик может поднять ее до уровня точной науки»³. Более того, он демонстрирует удивительно хорошее знание Библии, когда в конце рассказа «*Горбун*» (1893) упоминает «небольшое дельце Урии и Вирсавии»⁴, который можно найти в «первой или второй Книге Царств».

³ Здесь и далее цитаты из «Морского договора» в переводе Д. Жукова.

⁴ Здесь и далее цитаты из рассказа «Горбун» в переводе Д. Жукова.

Эволюция

Самый громкий зов научной трубы прозвучал, когда Чарльз Дарвин (1809–1882) опубликовал «Происхождение видов» (1859). Возраст Земли, количество и природа небесных тел могли не так сильно влиять на повседневную жизнь Шерлока Холмса и большей части обычных граждан, но идея того, что они неким тесным образом связаны с «тупыми животными», на самом деле привела языки в движение.

Теория Дарвина имела обширные последствия, и вскоре ее пустили в ход, используя в качестве опоры для целого ряда политических и социальных теорий. Свободные мыслители, отталкиваясь от нее, насмехались над Книгой Бытия, доказывая абсурдность (в их глазах) всей организованной религии; оптимисты, уравнивая эволюцию и прогресс, ощущали, что их вера в постоянное развитие науки и материального благосостояния теперь подкрепляется непреложными законами; расисты и империалисты прибегали к эволюции, чтобы сформулировать теорию «ноши белого человека» и его же превосходства над остальными; социалисты были убеждены, что общество неизбежно эволюционирует из феодализма через капитализм в сторону социализма.

Конан Дойл мудро держал своего детектива в стороне от этого клубка противоречий. Существует мимолетное упоминание «теории Дарвина» в «*Этюде в багровых тонах*», и один раз там же Холмс вспоминает непосредственно Дарвина, да и то в тот момент, когда речь идет о происхождении музыки. Слово «эволюция» тоже возникает один раз – в отношении того, как идет расследование дела.

Холмс и Дарвин

Холмс играл на скрипке, и поэтому его упоминание Дарвина и музыки в «*Этюде в багровых тонах*» очень интересно: а) оно показывает, что сыщик следит за последними научными гипотезами, несмотря на то что «Происхождение человека» Дарвина напрямую не связано с работой Холмса, и б) когда он говорит, что «нас так глубоко волнует музыка», то напоминает о мистической, не связанной с наукой стороне своей комплексной натуры.

Ненаучная сторона Холмса также раскрывается в «*Морском договоре*», когда он замечает, что некоторые вещи нельзя объяснить с помощью только эволюционной теории Дарвина. «Мне кажется, что своей верой в Божественное провидение мы обязаны цветам, – заявляет сыщик. – Все остальное... необходимо нам в первую очередь для существования. Но роза дана нам сверх всего. Запах и цвет розы украшают жизнь, а не являются условием ее существования». Когда же он заканчивает таинственным утверждением: «Только Божественное провидение может быть источником прекрасного. Вот почему я и говорю: пока есть цветы, человек может надеяться», – то оказывается на грани того, чтобы объявить красоту природы отражением Божественной красоты.

Естественные науки

Слово «ученый»⁵ вошло в английский язык только в XIX столетии; ранее тех, кто наблюдал за миром природы и исследовал его, именовали «философами», а поле их интересов называли «естественной философией». Рудимент от этого термина остался в научной степени «доктор философии» (PhD).

Естественные науки появились во время научной революции XVI и XVII веков, когда феномены природы рутинным образом анализировали, исходя из эмпирической информации, полученной благодаря наблюдениям и экспериментам. Такой подход означал, что идеи относительно мира природы должны базироваться на измеримых величинах, добытых с помощью пяти органов чувств (интеллектуальные основания методологии Холмса – см. с. 48).

Ранее «наука» имела склонность функционировать иным образом: сначала появлялась теория, а затем делались наблюдения, чтобы добыть необходимые для теории сведения. Например, Библия учит, что Господь разрушил погрязший в грехах мир, устроив глобальное наводнение, и поэтому многие взирали на окаменелости вымерших животных как на доказательства существования допотопного мира.

К XIX веку естественная философия разделилась на биологическую (жизнь) и физическую (физика, химия, геология, астрономия) науку. Она также перебралась из сельских поместий и домов духовенства, где ею занимались одаренные и обеспеченные любители, в университеты (в 1860-х Лондонский университет стал первым в Англии присуждать ученые степени) и медицинские школы. Именно в медучреждении мы сводим знакомство с Шерлоком Холмсом, в химической лаборатории госпиталя Святого Варфоломея. Место встречи задает нам ложное направление, и, вероятно, намеренно, поскольку мы не знаем, какое право имеет Холмс на то, чтобы находиться здесь. Интригует то, что он возникает как некая пограничная фигура между старомодным одаренным любителем-ученым и современным профессионалом из университета.

Умеющий говорить и хорошо образованный, Холмс, очевидно, происходил из обеспеченной семьи, из верхней части среднего класса. «Мои предки были захолустными помещиками»⁶, – сообщает он в «Случае с переводчиком» (1893). Он почти наверняка посещал публичную (то есть частную) школу. Оттуда, как сообщает нам сам сыщик в рассказе «Глория Скотт» (1893), он отправился в «колледж», что подразумевает Оксфорд или Кембридж, особенно с учетом того, что он упоминает посещение церкви по утрам. Он говорит нам, что оставался в системе среднего и высшего профессионального образования всего два года, недостаточно долго для получения диплома. Почему он ушел, нам так никогда и не сообщается. Причиной могло быть взаимное ожесточение: студент, который, по его же заявлениям, получал удоволь-

⁵ Англ. *Scientist*.

⁶ Здесь и далее цитаты из «Случая с переводчиком» в переводе Н. Вольпин.

ствие от «мыкания» в своих комнатах, где он работал над «собственными методами мышления», и чьи «направления исследований сильно отличались от того, чем занимались остальные», вряд ли мог внушить любовь наставникам.

Так-то оно так, но Ватсон убеждает нас, что его друг, несмотря на то что «медицину никогда не изучал систематически», тем не менее является первоклассным химиком (*«Этюд в багровых тонах»*). Его «бессистемные и странные» занятия наукой позволили ему «накопить массу, казалось бы, ненужных для дела знаний, которые немало удивили бы профессоров». Входили ли в эту массу точные сведения или хотя бы представления о главных достижениях химии XIX века – среди них атомная теория Дальтона (единственное упоминание атомов во всем холмсианском каноне сделал инспектор Лестрейд в рассказе *«Шесть Наполеонов»*, 1904), катализ, электролиз, Периодическая таблица и электрон – нам не суждено узнать.

Что нам известно с определенностью – Холмс активно пропагандирует охоту за эмпирическим знанием, которая была отличительной чертой новой академической науки, и ее рост проявился в значительном увеличении числа публикаций в академических журналах: от десяти в 1700-м до более десяти тысяч в 1900-м. Молодой Стэмфорд в *«Этуде в багровых тонах»* находит беспокоящим тот факт, что Холмс «в каких-то довольно странных областях обладал... обширными и точными познаниями». Консультант-детектив мог не быть официальным лицом в научном сообществе XIX века, но образ мышления и уровень знаний, несомненно, выделяли его на фоне остальных граждан.

Медицина

Союз между наукой о здоровье и медициной стал реальностью в XIX столетии, когда он прямо или косвенно привел к тому, что ожидаемая продолжительность жизни в Англии и Уэльсе увеличилась на 25 процентов. Единственное наиболее важное достижение свершилось в области общественного здоровья: это обеспечение горожан чистой водой и создание адекватных систем канализации. Усовершенствования начались, когда изменилась теоретическая основа – признание существования микроорганизмов (1870), когда «теория микробов» пришла на смену устаревшей «теории миазмов».

Столетиями связь между дурными запахами и болезнями выглядела самоочевидной: болезни вызывались миазмами, ядовитыми и мерзко пахнущими испарениями, висящими в воздухе. Ватсон вскользь упоминает об этой теории, когда разглядывает Гримпенскую трясину в «Собаке Баскервилей» (1902), которая испускает «пряный запах гнили и сырости»⁷. Только в середине XIX века теория миазмов оказалась замещена микробной теорией, базирующейся на факте существования бактерий.

Рентгеновские лучи

Таинственное излучение некоторое время наблюдалось учеными, но формально рентгеновские лучи были открыты Вильгельмом Рентгеном (1845–1923) в ноябре 1895 года. Экспериментируя с возможными медицинскими приложениями открытия, он сделал рентгеновский снимок руки собственной жены. Глядя на него, женщина заявила: «Я увидела свою смерть».

Другие значительные медицинские достижения XIX века включали анестезию (веселящий газ, он же закись азота, эфир, хлороформ) и антисептическая хирургия – в 1902 году король Эдуард Седьмой выжил после операции по удалению аппендикса, а в прошлом она наверняка убила бы его (не сама, а из-за заражения). Вакцинация, начавшаяся с прививок против оспы, распространилась и на другие болезни, на холеру, бешенство и сибирскую язву. Закончилось столетие тем, что использование рентгеновских лучей позволило врачам заглядывать внутрь человеческого тела, не прибегая к хирургии.

Джек-потрошитель

В 1888 году некоторое количество жертв женского _Дюла было обнаружено в районе Лондона Уайтчепел; у всех было перерезано горло, а тела изуродованы в псевдохирургической манере. Личность серийного убийцы, который совершил все это, так и осталась загадкой. Но в 1894 году Конан Дойл предположил, как мог Холмс взяться за подобное дело. Прозвище Джек-потрошитель появилось благодаря письму, которое предположительно написал убийца. Писатель сказал, что Холмс тщательно изучил бы письмо, бумагу, чернила и почерк. Очевидно, что полиция ничего подобного не сделала. Сейчас полагают, что письмо было розыгрышем.

Конан Дойл прошел врачебное обучение (см. с. 33), доктор Ватсон, фиктивный автор пятидесяти шести из шестидесяти историй о Шерлоке Холмсе, тоже имел такое образование.

⁷ Здесь и далее цитаты из «Собаки Баскервилей» в переводе Н. Волжиной-Гроссет.

Ничего удивительного в том, что впервые мы встречаем Холмса в больнице, а его приключения содержат многочисленные упоминания о болезнях, лекарствах и медицинских практиках (см. с. 173). Например, в «Истории лысого» в «Знаке четырех» (1900) стетоскоп Ватсона позволяет подтвердить нормальную работу сердечных клапанов, митрального и аортального, в то время как в «Тайне Боскомской долины» (1891) Ватсон показывает свой (а точнее Конан Дойла) уровень профессионализма, изрекая: «Третья задняя теменная кость и левая часть затылочной кости»⁸.

В прекрасной работе *The Scientific Sherlock Holmes*⁹ (2015) профессор Джим О'Брайен превозносит тот тест, который придумал Холмс для идентификации крови в «Этюде в багровых тонах»; как мы увидим в девятой главе, сыщик особенно много знает о лекарственных веществах и ядах. Холмсианский канон тем не менее не содержит упоминаний о рентгеновских лучах или посмертных вскрытиях (горячая тема в 1880-х из-за убийств Джека-потрошителя), а поиск по слову «микробы» не дает ничего. Это говорит о том, что хотя Холмс и выглядит первопроходцем во многих аспектах криминалистической науки, его вклад в специфическую область криминалистической медицины ограничен.

⁸ Здесь и далее цитаты из «Тайны Боскомской долины» в переводе М. Бессараб.

⁹ «Научный Шерлок Холмс».

Лондон

Великий бог Наука при поддержке технологии и капитала избрал Британию местом рождения промышленной революции. Последняя совпала с быстрым ростом населения и стала топливом для стремительной урбанизации.

В 1815 году Лондон был величайшим городом мира, его население превышало три миллиона человек. Ко времени Холмса эта цифра удвоилась. Никогда в человеческой истории не существовало ничего подобного: огромный, разбросанный на обширных территориях, погруженный в дым лабиринт особняков и лачуг, башен, доков, переулков, пабов, фабрик и мастерских, прорезанный грязной рекой и окруженный растущими пригородами, которые каждое утро благодаря тысячам миль железных дорог отрывали в центр массу людей. Среди его убожества и хаоса банкиры и бизнесмены, землевладельцы и юристы, торговцы и строители делали деньги – больше денег, чем могли представить ранее жившие поколения.

Наука и технология являли себя во всей красе почти на каждой лондонской улице. Показывали себя в газовом уличном освещении, в рельсах, проложенных на земле и под землей, в огромных вокзалах, в приречных дамбах, в пароходах с железными корпусами, что теснились у пристаней и в доках, и прежде всего в величественном Тауэрском мосту (возведен между 1886 и 1894 годами) – ошеломляющей комбинации разводного и подвесного моста.

И в то же время прогресс, если это был именно он, имел и обратную сторону. В хаотическом скоплении анонимных миллионов беспрецедентное материальное благополучие соседствовало с ужасающей бедностью и нищетой. Тут Холмс работал, тут он был часто нужен. Для него «этот огромный мусорный ящик, куда неизбежно попадают бездельники и лентяи со всей империи» (*«Этюд в багровых тонах»*) был источником вдохновения и дохода. Использование науки позволило создатьодолеваемый преступностью мир, в котором родился великий детектив, ну а его миссия состояла в применении науки, чтобы сражаться против этой преступности.

Средства связи

Летом 1588 года понадобилось целых двадцать четыре часа, чтобы с помощью огня маяков передать информацию о появлении Непобедимой армады из Корнуолла на юго-западе Англии в Лондон. Два века позже, в 1805 году, депеши, содержавшие детальные новости о знаменитой победе Нельсона в битве при Трафальгаре, а это уже Гибралтар, проделали тот же путь за рекордные тридцать семь часов. Менее чем через столетие Шерлок Холмс отправил телеграмму из Дартмура, графство Девон (рядом с границей Корнуолла), в Лондон и получил ответ («Телеграмму получил. Выезжаю ордером на арест. Буду пять сорок. Лестрейд») за несколько часов («Собака Баскервилей»). Подобная революция в области средств связи была еще более красноречивым примером того, как наука трансформировала повседневную и деловую жизнь на протяжении XIX века.

Несомненно, без быстрой коммуникации многие из историй Шерлока Холмса закончились бы не так удачно. Королева Виктория наблюдала за первым телефонным звонком в Великобритании в 1877 (см. с. 125), когда Конан Дойл изучал медицину. Согласно «биографам» Шерлока Холмса, тогда ему было девятнадцать лет. Интересно, что телефонные звонки появляются в двух ранних текстах: «Знак четырех» и «Человек с рассеченной губой» (1891); потом они надолго исчезают, и появляются только в «Знатном клиенте» (1924) и «Человеке с побелевшим лицом» (1926). Можно предположить, что Холмс, руководимый литературными инстинктами своего создателя, избегает новейшей коммуникационной технологии, пользуясь более осязаемой – и, возможно, романтичной – телеграфом (см. также с. 120).

Телеграф

Телеграфический телеграф – отправка сообщений по медному проводу – появился благодаря открытию вольтова столба (ранняя форма аккумулятора), гальванометра, электромагнита и реле. В 1838-м американец Самюэль Морзе передал первое кодированное сообщение, а в следующем году Уильям Кук и Чарльз Уитстон установили демонстрационную телеграфную линию на одном из участков железнодорожной сети в Великобритании. Позже изобретение телепринтера позволило печатать переданные по телеграфу сообщения в виде телеграмм.

Что бы мог сделать Холмс, используя средства, доступные современным детективам, – беспроводная связь (1900-е), радиотелефон (1946), факс (1964), Интернет (1980-е), смартфон (2000-е), Ватсап (2009) и так далее, – знает только Всевышний.

Путешествия

Поезда – очень важная черта мира Шерлока Холмса.

Как телеграф изменил область коммуникаций, так железные дороги совершили революцию в транспорте. Первая пассажирская линия в мире – железная дорога между Ливерпулем и Манчестером – открылась 15 сентября 1825 года. Через пять лет в стране было 403 мили путей, к 1840-му цифра увеличилась до полутора тысяч, а еще через десять, в 1850-м, Британию пересекали 6500 миль путей. И эта цифра более чем удвоилась к концу столетия.

Упоминаний железнодорожных поездок в текстах о Шерлоке Холмсе слишком много, чтобы их просто перечислить. Как мы увидим (с. 140), поезда позволяли и самому сыщику, и тем, кого он преследовал, перемещаться с невообразимой для прежних эпох скоростью. Очередной пример того, какое двусмысленное наследие оставляет наука: она расширяет возможности для преступников, но в то же время и возможности для их поимки. Дальнейшие достижения на ниве транспорта – автомобиль и аэроплан – возникают только в сборнике *«Его прощальный поклон»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.